

**Ханна Вадас-Возьны, Василий
Сенкевич**

**Герменевтика и межкультурная
коммуникация :
ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
параллели**

Przegląd Wschodnioeuropejski 1, 383-401

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ХАННА ВАДАС-ВОЗЬНЫ, ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ
Akademia Podlaska w Siedlcach

ГЕРМЕНЕВТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (ПОЛЬСКО- ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

1.0. Герменевтика как самостоятельная дисциплина возникла благодаря практике и теории перевода текста: феномен перевода есть самое «сердце герменевтики»¹. Известно, что изначально герменевтика зародилась как практическое мастерство – ремесло, а затем стала пониматься как теория интерпретации текста. Термин *герменевтика* является древнегреческим по происхождению – связан с именем бога Гермеса, который в античной мифологии являлся посланцем богов, доставляющим людям информацию. Чтобы божественный язык стал понятен людям, Гермесу необходимо было доступно интерпретировать божественную «корреспонденцию». Необходимость и породила род занятий, получивший в дальнейшем название «герменевтика».

Гермес не был посредником между богами и людьми – являлся только связующим звеном между ними, иначе транслятором и интерпретатором священных текстов, т.е. культуры. В семиотическом плане культура может быть истолкована как текст, предназначение которого – трансляция информации от поколения к поколению. Всякий раз между культурным текстом и его «читателем» должен быть специалист, способный на том или ином естественном языке истолковать и помочь уразуметь этот текст. Язык интерпретации по отношению к языку текстов культуры выступает в качестве метаязыка.

Роль связующего звена между текстом и его пониманием на другом языке приходится играть переводчику-транслятору и интерпретатору иной культуры. Язык перевода текста в другой культурный контекст в данном случае является метаязыком, интерпретированная версия исходного текста – транслятом.

Каковы же исходные послышки и сущность подобной интерпретирующей метаязыковой трансляции?

¹ М.П. Брандес, *Стиль и перевод (на материале немецкого языка)*, Москва 1988, с. 18–19.

1.1. Понятие трансляции до сих пор не получило должного освещения в лингвистических трудах, однако, несомненно, данное понятие обладает не меньшей фундаментальностью, чем понятие коммуникации – передачи сообщения. Коммуникация как опосредованная передача знания представляет собой альтернативу процесса трансляции информации.

В обыденном понимании глагол *транслировать* обладает смыслом, идентичным смыслу глагола *донести*. Момент трансляции отмечается в глагольных дескриптивах *известить, довести до сведения, информировать, засвидетельствовать*, пол. *referować, informować, świadczyć* и под. *Доносчик, информатор, осведомитель, свидетель, докладчик, референт, агент* – всё это трансляторы информации.

Трансляция – не коммуникативное волевое действие, а многоактовый процесс, не имеющий отношения к производству, а связанный с интеллектуальной деятельностью, реализующей намерение реципиента уловить транслируемый смысл. Трансляция сориентирована на адресата, предусматривает проявление его активности. Процесс схватывания смысла транслируемого, неотъемлемо включает заинтересованное участие реципиента.

Трансляция не обладает свойством коммуникативности и не может быть названа сообщением. В отличие от коммуникативного сообщения, посредством которого репрезентируются знания о действительности, трансляция является позитивным актом презентации (предъявления) реальных сведений (ср.: «*Я знаю...*» и «*Мне известно...*»). Известие всегда предусматривает позитивное «как» (*Как известно,...*) сообщение же производится *определённым образом*. Образ выступает посредником между коммуникантом – пользователем языка – и отражённой в зеркале его сознания действительностью. Рефлексивный образ – только форма, а не сама реальность. Образ апеллятивен и ассоциативен по своей природе. «Когда сознание работает в режиме воображения, не объекты приходят к нам сами по себе – это мы вызываем [разрядка наша – Х.В.-В., В.С.] их»². Как в художественном своеобразии, так и в обыденной нехудожественной концептуализации действительности присутствует отношение – всякое знание является знанием «своим», т.е. присвоенным, относительным и дискурсивным.

В отличие от коммуникации процесс трансляции связан с субстанцией (информацией), а не формой (знанием) и потому не является формально опосредованным (ср.: «*Как посмотреть...*» и «*Увидеть, что...*»). Перцептивное «как» естественно и безобразно. Оно участвует в становлении мировоззрения субъекта речи. Становящееся мировоззрение – не то, что

² Х. Ортега-и-Гассет, *Эстетика. Философия культуры*, Москва 1991, с. 217.

формирующаяся посредством ассоциативного видения картина мира. Мнению как форме субъективной (кажущейся) рефлексии противостоит естественно текущий процесс восприятия – «зрение», опирающееся на принятую точку отсчёта. Вопрос «Как ты смотришь...?» непременно предусматривает исходный ракурс – точку зрения. Точка зрения не может быть соответствующей – у разных людей она совпадает или не совпадает.

В поле непосредственного восприятия попадает сама реалья, или её виртуальная фигура, с которыми реципиент входит в визуальный или умозрительный контакт (вплоть до эмпатического слияния). В акте восприятия реалья презентует себя, «бросается в глаза», предъявляя себя смотрящему или слушающему. От реципиента требуется одно – грамотность, т.е. умение считать предъявленную его восприятию информацию – понять, «в чем дело», заметить (уловить) уловить смысл и т.п.

В презентующем восприятии усматривается не вид отражённого сознанием предмета, а облик (обличье, очертание) объекта. Акт восприятия – своего рода акт «обличения» объекта, т.е. проба схватывания и номинативного закрепления его проявленной сущности. Вместо рефлексивного коммуникативного образа в поле восприятия попадает контрастирующая на фоне ф и г у р а (гештальт), которую должен идентифицировать реципиент, невзирая на её многочисленные метаморфические модификации. Независимо от того, реальным объектом или мысленным конструктом является облик-фигура, она есть в том или ином своём объёме (в отличие от плоского образа – проекции на плоскость).

1.2. Доминирующей категорией процесса переводческой трансляции является *информация*. Сущность категории информации понимается из этимологии самого термина – *ин-формация* (ср.: *ин-финитив*), где приставка *ин-* указывает на отсутствие определяющей формы. Информация не может иметь формального определения, т.к. является текучей субстанцией (ср. выражения: *слить информацию, информация просочилась (проникла)* и т.п.). Не обладая условно-знаковой формой, информация воплощается (формулируется, застывает, манифестируется) в речевых формулах-фигурах, с которых и составляется текст.

Нередко информация – исходная категория, которой оперируют теоретики перевода, описывается в отношении к концепту «новое». «Информацией следует, вероятно, считать нечто новое, неведомое, которое после превращения в знание перестаёт быть информацией...»³. Однако между *новым* и *неведомым* – «дистанция огромного размера». Информация

³ С.А. Семко, *Проблемы общей теории перевода*, Таллин 1988, с. 10.

бывает неизвестной – нет «новой» информации. Владение информацией свидетельствует об осведомленности реципиента, т.е. его компетентности, которую не следует смешивать со знаниями. Знания характеризуют и трактуют действительность определённым образом, компетенция же необходима при описании и интерпретации реальности.

Неотъемлемым признаком информации является то, что она имеет своего носителя (бумажного, электронного, физического и т.п.). По сути любой материальный объект, любые презентирующие проявления о чём-то свидетельствуют, т.е. являются одновременно носителями и трансляторами информации. Задача заключается в том, чтобы быть в состоянии её считать и осмыслить. Так, информативным будет звонок с урока – он свидетельствует об окончании урока; поднятой рукой ученика свидетельствуется его желание отвечать, забытая вещь – свидетельство пребывания кого-либо где-либо, лужи на асфальте – свидетельство недавнего дождя, пожелтевшие листья – свидетельство наступления осени. Окружающий человека мир полон необходимых для его ориентации свидетельств. Человек научился извлекать информацию, перерабатывать её, измерять, распространять и сохранять для потомков. Процесс распространения информации и осмысливается как процесс её трансляции.

1.3. Не менее существенной с точки зрения герменевтики перевода текста является категория смысла. Данная категория коррелирует со своей альтернативой – значением. Смысл не описывается в терминах отражения, а понимается как преломление языковым сознанием той или иной ситуации в процессе её восприятия. Не подлежит сомнению, что носителем смысла является текст, в пределах которого каждая текстосоставляющая единица реализует его в том или ином контексте.

Знак имеет прямое или переносное значение. Смысл же воплощается в фигуре. В частности, говорится о *буквальном* (реальном) и *фигуральном* (символическом) смысле. Буквальный смысл порождается эмпирическим подходом к реальности, который предусматривает тотальное «сканирование» деталей. Подобные детали при переводе могут оказаться малозначительными. Излишнее следование «букве», педантичное копание в мелочах и неоправданная скрупулёзность может нанести ущерб делу перевода – за мелочами ускользает главное. Подобный подход называется буквализмом (ср.: *буквоедство, педантизм*) и таит в себе опасность для переводчика. «Заботиться о буквальности перевода с ущербом ясности и правильности языка – значит вредить самой точности перевода» (Н.Г.Чернышевский. «О поэзии»).

Фигуральный смысл всегда иносказателен, напр.: *«Когда бушует ветер и колосится рисовое поле, спелые рисинки наклоняются как можно*

ниже, а пустые поднимают свои головки очень высоко. И ветер их сносит...» (Древняя японская мудрость). Смысл не принадлежит миру причины и следствия – его нельзя объяснить, однако можно интерпретировать. Фигуры речи обладают символическим (криптитивным) смыслом. Благодаря им возможен контакт с той или иной скрытой реальностью, напр.: – *Да что наши!* – *отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит* (Пушкин).

Вслед за американским философом Чарлзом Пирсом, основателем семиотики, символы нередко отождествляются со знаками. Считается, что символ – это всего лишь знак, связь которого с обозначаемым предметом возникает не из-за сходства между ними (как в других типах знаков), а просто по договорённости (Ср.: *змея* – мудрость). Однако в современной философии есть и иная точка зрения: символ – «не-знак». Вещи не только отражаются в зеркале нашего сознания – они ещё отбрасывают тени. Тень – прототип фигуры, а не знака. С точки зрения Мераба Мамардашвили, отождествление символа и знака свидетельствует о непонимании того, как человек «вписан» в мир. Символ – категория, а не концепт. Символ существует в совокупности интерпретаций, которые практически неисчислимы⁴.

С противопоставлением смысла и значения связано представление о толковании и интерпретации. Традиционно герменевтика понимается как наука о «толковании» и «интерпретации» текста. Однако, с нашей точки зрения, есть фундаментальное различие между данными понятиями. Трансляция текста не предполагает его истолкование – трактовку, как это имеет место при трансформации (преобразовании) дискурса.

Концепт толкования имеет отношение к отражению действительности словом – истолковывается значение слова. Трактовка-толкование – это условное наглядно-образное представление, характеристика предмета. Будучи относительным мнением, трактовка содержит оценку: *трактовать* ‘расценивать каким-либо образом’; *трактоваться* ‘характеризоваться, отражаться определённым образом’ (МАС). Трактовка направлена на форму (*трактовать в полемической форме современные проблемы, трактовать образы*).

Текстосоставляющие единицы не имеют значения, однако воплощают в разной мере доступный реципиентам смысл. В отличие от прямого или переносного значения, буквальный или фигуральный смысл не трактуется, а интерпретируется – адаптируется к восприятию и пониманию. Интерпретация стремится наиболее точно схватить сущность того, что есть на

⁴ Е. Склиренко, *Мераб Мамардашвили за 90 минут*, СПб 2006, с. 46.

самом деле (*интерпретация текста, интерпретация закона*). Связанная с восприятием процедура интерпретации предусматривает момент открытия – постижения смысла чего-н. Интерпретация – номинативный акт интерпретатора. Всякое название, любая номинативная единица при возникновении предусматривает момент мотивирующей интерпретации.

1.4. И в процессе восприятия текста, и в процессе его трансляции переводчиком центральной категорией выступает категория понимания. Как отмечает М.П. Брандес, «коль скоро исходной категорией переводческой деятельности выступает понимание, то эта категория должна в теории перевода считаться центральной»⁵. Первичные вопросы, возникающие в связи с восприятием, формулируются в аспекте позитивного «как»: *Как понимать? Как понять? Я, как вы понимаете, ...* и т.п. Категория понимания является необходимой в связи «человек-мир», т.е. в процессе восприятия и интерпретации реальности, с которой соприкасается носитель языка.

Понимание текста есть извлечение из текста некоторой информации, составляющей его смысл. Понимание следует рассматривать как непрерывно становящийся процесс. Процесс понимания является движением по спирали, в которой реализуется вечная идея развития – возвращения к «якобы старому». Результатом подобного процесса становится ментальное состояние человека, манифестирующееся высказываниям типа «*Стало понятно*», «*Теперь ясно*» и т.п. Поняв текст, реципиент обогащает собственный информационный запас, становится более компетентным в той или иной области специальной деятельности.

Понимание текста невозможно без понимания его отдельных частей. «Проглотить» целиком текст бывает затруднительно. Возникает необходимость в членении текста на отдельные смысловые части разной протяжённости. К пониманию текста реципиент приходит не сразу, а только через поэтапное ознакомление с его отдельными частями. При этом возникает понятие, принятое называть «герменевтическим кругом части и целого». «Целое надлежит понимать исходя из отдельного, а отдельное – исходя из целого. Части жёстко детерминируются целым и детерминируют целое: благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое»⁶. «Консенсус» части и целого – критерий адекватности понимания. Когда подобный «консенсус» не возникает, понимание не состоялось.

⁵ М.П. Брандес, *Стиль и перевод (на материале немецкого языка)*, Москва 1988, с. 18–19.

⁶ Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного*, Москва 1991, с. 72.

В связи с членимостью предназначенного для восприятия текста встаёт вопрос о единице его членения и, соответственно, единице перевода. Текст как синтетическая структура не рассчитан на дискурсивный анализ. Текст членим на смысловые единицы, которые и являются исходной базой для его трансляции в иную культуру. Существенно то, какие смысловые куски переводчик «схватывает» и идентифицирует в потоке речи, транслируя их иностранным носителям информации.

1.5. Переводчик-интерпретатор текста непременно соприкасается с проблемой смысловой эквивалентности. Категория эквивалентности противопоставляется равнозначности – концепту интенционального по своей природе дискурса.

Разграничение эквивалентности и равнозначности для переводчика является исходным методологическим принципом. Во-первых, потому что в связи с понятием эквивалентности описываются обладающие смыслом фигуры речи, а концепт равнозначности используется при изучении системы языка с учётом её функциональной значимости. Во-вторых, названное разграничение коррелирует с противопоставлением семиотики и информатики. В-третьих, именно с разграничением категории эквивалентности и концепта равнозначности связано понимание языка, с одной стороны, как формы сознания и средства коммуникации, а с другой – как акта креативной реализации отдельной личности и этноса, как аккумулятора и транслятора национальной и общечеловеческой культуры.

Категория эквивалентности обладает субститутивным смыслом – «вместо того». С подобным смыслом непременно соприкасается переводчик, подыскивая наиболее подходящие эквиваленты для единиц транслируемого текста. Отмеченный смысл противопоставляется не менее фундаментальному понятию «взамен этого», с которым сталкивается переводчик, имея в качестве предмета перевода дискурсивную речь. Степень совершенства перевода дискурса определяется равнозначностью оригинального и переводного произведения. Качество же перевода текста базируется на эквивалентности. В первом случае имеется в виду однозначное соответствие, во втором – подразумевается точная эквивалентность.

Понятие эквивалентности связано с ономаσιологическим подходом к единицам языка, при котором они рассматриваются не со стороны формирования их внутрисистемных значимостей, а с позиции их референтной ориентированности, т.е. соотносённости с внеязыковыми реалиями, их осмыслением и категоризацией. При таком подходе язык мыслится не как функциональное средство, а как понятийный инструмент, помогающий проникнуть в законы человеческого мышления с его актами категоризации, свидетельствующими культурные различия разных народов.

Ономасиологическая сущность эквивалентных единиц проявляется в том, что они участвуют как в прямом выражении, так и в косвенном описании разного рода локальных или интернациональных смыслов. Об эквивалентности не идёт речь при синонимии, когда взамен одного слова используется близкое ему по значению другое слово. Об эквивалентности говорят тогда, когда вместо одной единицы употребляется кореферентной ей иная единица⁷. Причём кореферентные единицы не различаются, а разнятся между собой.

В текстосоставляющих единицах выражается понимание той или иной реалии. К подобным единицам всегда уместны вопросы типа «*Кто стоит за тем или иным именем?*», «*Какой смысл кроется в том или ином выражении*». Подобные единицы являются источником догадок, открытий и дискуссий. Они – специфические коды, для открытия которых требуются сведения, составляющие культурную компетенцию носителя языка.

1.5.1. Переводчик текста соприкасается с двумя типами эквивалентности – внутриязыковой и межъязыковой. К явлению внутриязыковой эквивалентности принадлежат факты кореференции – когда один и тот же референт называется по-разному. Подобная эквивалентность базируется на категории тождества: *амидомирин*, т.е. *пирамидон*; *тутовое дерево*, т.е. *шелковица*; *главный герой романа Г. Сенкевича «Потоп»*, т.е. *Кмициц*; *столица Польши*, т.е. *Варшава*; *АК*, т.е. *Armia Krajowa*, *DT*, т.е. *Dom Turysty*, *UW*, т.е. *Uniwersytet Warszawski*, *MEN*, т.е. *Ministerstwo Edukacji Narodowej* и т.п.

Внутриязыковая эквивалентность различается рациональностью и эмоциональностью выражения. Эмоциональная интерпретация наиболее выразительна при кореферентной модификации собственного имени: *Стоит задуматься, как вас называют. Жена: Серожа, Серж, когда злится – Сергей или по фамилии. На работе: Сергей Павлович, Павлович, чаще Серёга. Посетители зовут одинаково – Сергей Павлович (Шевцов)*. Имя собственное как бы рассыпается бесчисленными вариациями на одну и ту же тему, восходящими к единой исходной модели.

Кореферентные эквиваленты не представляют, а замещают реалию и сами по себе являются реальностью текста. Подобное становится возможным, потому что тот самый смысл, та же самая мысль могут быть по-разному выражены в языке. Компетентность переводчика заключается в

⁷ Аналогичный субститутивный смысл эквивалентности проявляется и в экономике. Так, эквивалентом называют товар, в котором выражается ценность иного товара: всеобщий эквивалент (денежная масса) – товар, в котором выражают свою ценность все остальные товары.

том, чтобы под разными «масками», в разных «упаковках» распознать тот же самый смысл, ту же самую реалию: «*Samo pojęcie bywa w różnych językach opakowane w różne słowa. Badacz słów zwraca uwagę przede wszystkim na opakowanie...*»⁸.

С ситуацией внутриязыковой эквивалентности встречаемся при перефразировании – переименовании одного и того же: *нефть – чёрное золото, Беларусь – земля под белыми крыльями, телевизор – голубой экран* и т.п. *Венера! ...Не слово, а праздник! ...А Милавица? – Что это? – Не знаешь? Народное название зорьки Венеры. – Правда? Хорошо! Оно такое родное и деликатное* (Янковский). Кореферентные перифрастические выражения в отличие от обычных номинаций заключают в себе момент необычности, сопровождаются эмоцией удивления.

Явление внутриязыковой эквивалентности возникает уже на фонетическом уровне. Звук как минимальная субстанция речи допускает трудноуловимые на слух эквивалентные модификации. Так, когда мы предложим разным лицам произнести один и тот же звук, то можно будет констатировать факт референтного тождества произнесённых звуков: каждый раз произносится тот же самый звук. В произнесении отсутствует повторение – звук не воспроизводится, а репродуцируется: порождаются разные «версии» одного и того же звука. Каждый раз произносятся индивидуализировано разные (тембр, звучность и т.п.) звуки – «экземпляры», которые в качественном смысле подводятся под одну и ту же виртуальную модель – фонему.

Межъязыковая эквивалентность, с нашей точки зрения, должна осмысливаться в контексте категории инклюзивности – распространения тождества на более широкий – межъязыковой – круг явлений. Также как внутриязыковая эквивалентность, названная эквивалентность проявляется на всех уровнях языка и связана с процедурой снятия. Копии бывают разными – более или менее похожими на оригинал. Расхождение между копией и оригиналом составляет то, что копировальщик (репродуктор) привносит от себя. Несомненно, что наиболее существенными будут расхождения, порождённые национальной принадлежностью репродуктора. Каждый народ владеет собственными репродуктивными ресурсами.

С классическими моделями межъязыковой эквивалентности встречаемся на фонетическом уровне: рус. *Иван*, пол. *Ян*, бел. *Янка*, нем. *Иоган*, англ. *Джон*, франц. *Жан*, итал. *Джовани* и т.д. – это все разные национальные копии (снятия) одного и того же оригинала-архитипа – древнееврейского, теперь уже забытого, имени. Аналогично: рус.

⁸ J. Pelc, *Wstęp do semiotyki*, Warszawa 1982, s. 36.

Маргарита – пол. *Малгожата*, рус. *Андрей* – пол. *Анджей*, рус. *Федор* – англ. *Теодор* и т.п. Заметим, что в ситуации типа «*Иван – Ян*» нельзя говорить о действии трансформации – только об операции (процедуре) транскрипции: номинация *Ян* не является «другим» именем референта. Произошедшие фонетические перемены не имеют отношения к форме слова; связанные с восприятием и адаптацией в ином языке, они касаются только фонетического облика номинативной единицы⁹.

С разными моделями межъязыковой эквивалентности встречаемся также при необходимости трансляции идеоматических выражений. Так, неизвестно, кто из носителей русского языка? удивляясь чьей-либо опытностью, впервые употребил фигуральное выражение *собаку съест* (Говорится: *Он в этом деле собаку съел*). Выражение стало «крылатым» (т.е. расширило свою экстенсию) – распространилось на подобные ситуации и стереотипно репродуцируется в них как точная фигура выражения известного смысла. Названной идиоме, думается, можно найти эквивалентные выражения в любом языке: компетентность (опыт) – категория интернациональная. Под разными обликами («масками», «упаковками») в разных языках выступает один и тот же интернациональный смысл.

Каждый народ (язык) специфически выражает релевантные с точки зрения эквивалентности прагматические смыслы. Сопоставим: рус. *ни рыба ни мясо* – пол. *ni pies ni wudra*; рус. *у всякой собаки своя кличка* – пол. *nie jednemu psu Łysek*; рус. *чтобы не сглазить* – пол. *na psa urok [na kota oczy]*; рус. *пуганая ворона и куста боится* – пол. *bitemu psu dość kij pokazać* и т.п. Мастерство переводчика в том и заключается, чтобы найти в чужом языке наиболее точный и выдержанный в адекватном эмоциональном регистре идиоматический эквивалент:

– *Давыдов, в рот тебе печенку! Любушка Давыдов!.. За то, что зла на сердце не носишь... зла не помнишь... Народ тут волнуется... и глаза некуда девать, совесть зазревает... И бабочки сумяжутся... А ить вместе жить... Давай, Давыдов, так: кто старое помянет – тому глаз вон! А? (Шолохов).*

– *Dawydow, pies cię drapał! Dawydow, chłopie kochany! Za to, że w sercu nie masz złości... nie pamiętasz krzywdy... Naród jest wzruszony, nie śmie spojrzeć, sumienie gryzie... Przecież będziemy żyć razem... No cóż, Dawydow, co było, a nie jest, nie pisze się w rejestr! Co? (Szołochow).*

⁹ Понятие «облик» эквивалентно термину *геитальт* (нем. Gestalt), употребляющемуся без перевода при описании фигуры восприятия (снятия), контрастирующей на фоне.

1.5.2. Во всех языках существуют специфические единицы, понять смысл которых можно только при прецедентных обстоятельствах: они должны быть в предыдущем опыте носителя языка. К корпусу таких единиц принадлежат не только удачные выражения, но и названия объектов материальной культуры, архаических фактов, государственных учреждений, имена мифических существ и т.п. Подобные единицы не имеют значения, однако аккумулируют в себе разную информацию о реальности, на фоне которой они воспринимаются и понимаются. Им могут быть найдены (если есть) эквиваленты в других языках. Так, русское *скатертью дорога* сопоставляется с польским *krzyż na drogę*, русское *расхлёбывать кашу* – с польским *pić nawarzone piwo*; французское выражение *tet-a-tet* в русском языке транслитировано как *с глазу на глаз*, в английском – *face to face*, в немецком – *unter vier Augen*, в польском – *w cztery oczy*.

Наиболее простой для переводчика является ситуация, когда для единицы из текста оригинала есть точный эквивалент в языке перевода. Закрепившиеся в языковой традиции разных народов точные эквиваленты в процессе перевода являются для переводчика как бы опорными пунктами, поскольку легче и быстрее проясняются и адаптируются в его сознании. Точные эквиваленты включают, прежде всего, географические названия, собственные имена, однозначные термины из разных отраслей знания и др.

Эквиваленты можно разделить на две группы: полные (абсолютные) и частичные. К первой группе принадлежат эквиваленты, охватывающие все референции той или иной единицы, ко второй – только некоторые: *Львов* – *Lwów*, *понедельник* – *poniedziałek*; *доска* – *deska*. Среди референций польского эквивалента не находим, например, «прибор для писания мелом», в польском языке существует для передачи отмеченной референции название *tablica*; ср.: *бигуди* – *walki (do włosów, do ciasta)*. Однако нередкой является ситуация, когда точного эквивалента в языке нет, и тогда понятие переводческой эквивалентности чрезвычайно расширяется – приходится передавать оригинальную единицу приблизительно, т.е. описательно. Переводчик сталкивается с проблемой так называемой безэквивалентной лексики, или переводом реалий.

Термин *реалия* употребляется для названия лексических единиц, референтами которых выступают элементы быта и культуры той или иной исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам. «К числу реалий можно отнести события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода,

географические пункты, произведения искусств и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, учёных, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы (в последнем случае реалии носят региональный характер), а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации»¹⁰.

В тексте реалии могут быть упомянутыми и неупомянутыми – присутствующими имплицитно, как фоновые знания, наличие которых подразумевается у читателя. Апелляция к фоновым знаниям имеет место в аллюзии – автор намекает на какое-то событие, провоцируя появление у читателя тех или иных реминисценций, необходимых для понимания мысли автора текста. Перевод реалий – область культурологических трудностей перевода. Именно в связи с реалиями в полной мере встаёт вопрос о непереводаемости.

Реалия – не просто некий предмет или явление, во многих случаях – это элемент иной культуры, отсутствующий в принимающей культуре, это своего рода символ иной жизни. Именно поэтому складывается представление о «культурной непереводаемости» (термин Дж. Кэтфорда). Однако концепция непереводаемости опровергается ежедневной переводческой практикой – превосходными работами талантливых переводчиков. Уже А.С. Пушкин отмечал, что выраженное автором должно быть перевыражено переводчиком; Н.В. Гоголь предлагал иногда «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»; А.К. Толстой писал, что «не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное – надо передавать впечатление; К.И. Чуковский призывал «переводить смех смехом»¹¹. С нашей точки зрения, по отношению к так называемой безэквивалентной лексике более правомерно говорить не о переводе, а, вслед за А.С. Пушкиным, о переводческом перевыражении, иначе трансляции. Некоторые исследователи относят реалии к разряду безэквивалентной лексики, утверждая, что она не подлежит переводу¹². Действительно, перевести реалию на другой язык нельзя, т.к. её название не имеет значения, но обладает не в одинаковой мере доступной для всех информацией. Реалия подлежит не переводу, а трансляции.

Главной чертой реалии, как неоднократно отмечается в работах по теории перевода, является её специфический неповторимый колорит.

¹⁰ М. Вайсбурд, *Реалии как элемент страноведения*, «Русский язык за рубежом» 1972, № 3, с. 98.

¹¹ Русские писатели о художественном переводе – Ленинград 1960, с. 187.

¹² А.В. Федоров, *Основы общей теории перевода*, Москва 1983, с. 252.

Понятие «колорит» пришло в теорию перевода из искусствоведения, где оно является достаточно конкретным (лат. *color* – цвет). Применительно к тексту данный искусствоведческий термин, думается, не является удачным по причине «неискусственного» статуса текста. Текст – не произведение художника, а продукт (дело) мастера. Кстати отметить, что в теории перевода понятие «колорит» является расплывчатым. Данное понятие поясняется через не менее неконкретное понятие «окрашенность». В частности, отмечается, что «колорит – это та окрашенность лексической единицы, которую она приобретает, благодаря принадлежности её референта к данному народу, определённой стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, – одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох»¹³.

Параллельно с термином *колорит* употребляется термин «культурная коннотация». Коннотация той или иной текстопорождающей единицы происходит от типичных контекстов её употребления, печать которых она на себе несёт. Коннотативный ареол номинации свидетельствуется тем впечатлением, которое возбуждает у реципиента акт её восприятия. Очевидно, что даже в одном и том же языке впечатление от восприятия одной и той же единицы будет неодинаковым. Возникающие впечатления могут быть весьма личными: бел. *Не раз і не два штоночы згадала яна / Маня / Ганну з такой нянавісцю, што не магла вымавіць яе імя: не знаходзіла, здавалася вартых слоў* (Мележ); *А тая, другая маці Хведара (Хрысціна ніколі не называла яе па імені, хаця і ведала) пісала тужлівыя лісты, наракала на сваю горкую долю ўдавы, скардзілася на адзіноту...* (Каліна). Каждое собственное имя является гармоническим сочетанием звуков, оттенков, тонов и т.п., т.е. воспринимается как аккорд: *Стэфанія! Я заўсёды звярталася да яе менавіта так, называючы проста ІМЯ – мяккае, добрае, ласкавае – укладваючы ў яго ўсю значнасць і велічнасць* (Станюта).

В связи с употреблением референтной лексики, называющей реалии, можно говорить не только о личном впечатлении конкретного лица, но и впечатлении коллективном, народном. Знаменательным в этой связи является тот факт, что имя собственное в языке обладает известной коннотацией: бел. – *Хлопчык, цябе як завуць? – пісклявым голасам запыталася пачвары. – Сенья, – перасмяглымі ад страху губамі сказаў Серафім. – Бач ты, Сенья! – падзівіўся вырадак. – Сенька Разін!... Чуў пра такога?... (Асіпенка); – Як цябе завуць? – спытала ў яго Марыя*

¹³ С. Влахов и С. Флорин, *Непереводимое в переводе*, Москва 1980, с. 254.

Міхайлаўна. – Юра... – Добрае імя. Скажы, Юра, што ты ведаеш пра свайго славутага цэзку? – Гэта пра Гагарына? (Мяжэвіч). – Адольф дык Адольф, даўней імя вродэ людскае: А как этот гад аб'явіўся – клічка разве што для шалёнай сабакі (Клетановіч).

Национальная коннотация собственного имени проявлена в рифмованных шутивно-иронических высказываниях: пол.: *Nazywam się Tereska – święty duch we mnie mieszka. Dobra Agnieszka, kto z nią nie mieszka. Nasza Marta jest uparta. Tam dobrze się dzieje, gdzie rządzą Andrzej. Grześ idzie przez wieś. Pocięcha z pana Wojciecha; cienki Bolek; słomiany Jaś; za-smolony Jaś; Jasiu – zielone ucho i t.n.*; бел.: *Наша Сора то шые, то пора. Наш Пятрок ходзіць без парток. Які чорт Хама, така й сама. Які Хомка, такая й жонка. Багат Хвадзей – поўна хата дзяцей. Барысе, Барысе, сам бараніся. Палажылі Саўку на голую лаўку. Там у Саўкі печкі й лаўкі.*

Референтные единицы не отражают реальность; они – сама реальность, которую человек воспринимает, т.е. входит с ней в контакт, и на которую он так или иначе реагирует. Схема «стимул-реакция» реализуется в актах идентификации того, что может быть идентифицировано. Акт идентификации (лат. *identificare* – отождествлять, *identis* – тождественный) является актом снятия и открытия. Перенесение названия реалии в чужой язык, иную культуру подобно операции трансплантации органа, и только от компетенции переводчика-оператора зависит живучесть названия и его судьба в иной культурной среде.

Передача культурной коннотации при трансляции текста с одного языка на другой составляет главную проблему переводчика при работе с реалиями. Реалия является частью исходного текста, поэтому ее передача в текст перевода – критерий эквивалентности перевода. С нашей точки зрения, вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, *как* ее переводить, т.е. вопрос касается сугубо межъязыковой эквивалентности.

Рассматривая несколько языков, можно выделить региональные реалии (*евро* – для стран, принявших эту валюту как национальную) и интернациональные, присутствующие в лексике многих языков, вошедшие в их словарь, но сохранившие исходную окраску (*шашильк, ранчо, текила*)¹⁴. Переводческого осмысления и интерпретации требуют, прежде всего, незнакомые реалии. Собственные (знакомые) реалии не нуждаются в каком-либо осмыслении: так, появившееся в тексте слово *квас* не вызовет затруднения у русского читателя, *майдан* – у украинского, *Тауэр* – у английского. Не нуждаются в осмыслении и интернациональные

¹⁴ С. Влахов и С. Флорин, *Непереводимое в переводе*, Москва 1980, с. 261.

реалии, т.к. у читателя вследствие их распространенности уже сложились определенное представление.

Главных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в языке перевода эквивалента из-за отсутствия у носителей этого языка называемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость наряду с референтным смыслом реалии передать и её коннотацию – культурно-этническую окраску¹⁵.

1.5.3. В арсенале переводческой компетенции должны быть приёмы трансляции экзотических реалий в другой язык. Опытный переводчик должен мастерски владеть следующими транслятивными приёмами:

а) транскрипция и транслитерация. При применении названных приёмов акт перевода как бы обходится и заменяется актом заимствования звукового (транскрипция) или графического (транслитерация) облика слова. Заимствованное слово становится фактом языка перевода и уже к качеству такового выступает как эквивалент внешне идентичного с ним иноязычного слова: рус. *пельмени* и англ. *pelmens*, нем. *Bundestag* и рус. *бундестаг*, англ. *LG* и рус. *Эл Джи*, пол.: *naleśniki* и рус. *налесники*. Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться преодоления такой трудности, как передача колорита, напр., при трансляции польских имен собственных: пол. *Andrzej* – рус. *Анджей*; пол. *Wojciech Konstanty Podczaski* – рус. *Войцех Константы Подчаски* и т.п.

Особую роль играет транскрипция при переводе реалий, содержащихся в официальных документах. Здесь требуется предельная точность, даже в том случае, когда переводчик сталкивается с фактом некомпетентности в передаче реалии оригинальным документом. В нашей переводческой практике встретился факт неточной передачи в оригинальном польском документе («UMOWA UŻYCZENIA» – ДОГОВОР ССУДЫ!) украинских географических реалий – места проживания фигуранта:

«[...], urodzonym 11.04.1973 roku, obywatelem ukraińskim, zamieszkałym Potelec nr 5, powiat Łubscka, Ukraina, legitymującym się paszportem ukraińskim, wydanym dnia 22.03.2007 roku, ważnym do dnia 22.03.2017 roku, serii PO539894, zwanym dalej w umowie «Biorący w użyczenie».

Выход из подобной ситуации – транскрипция при переводе географических названий оригинала:

«[...], дата рождения 11.04.1973 г., гражданин Украины, проживающий по адресу Потелец /Транскрибированная запись по оригиналу!, дом 5, уезд Лубсбicka /В оригинале «powiat Jubscka», Украина, украинский паспорт,

¹⁵ Там же, с. 232.

выданный 22.03.2007 г., действующий до 22.03.2017 г., серия РО539894, далее называемый в договоре «Пользователем»;

б) калькирование. *Калька* – заимствование путем буквального перевода – позволяет перенести в язык перевода реалию при максимально полном сохранении смысла. Однако сохранение семантики не означает сохранение колорита, поскольку части слова или выражения передаются средствами языка перевода. Наиболее ярким примером калькирования является рус. *небоскреб*, образованное от англ. *skyscraper*, аналогичным образом это понятие было передано и в немецкий язык *Wolkenkratzer*. В польском языке данная реалия осмыслилась в дескриптиве *drapacz chmur*. Частичные заимствования слов и выражений наблюдается в *полукальках*. Так, *полукалькой* в русском языке является немецкая реалия *третий рейх*, являющаяся аналогом выражения *das Dritte Reich*. Польское *przepraszam* («прошу прощения») локализовалось в белорусском языке в глаголе *перапрашаць* («перапрашаю») с сохранением корня и заменой типичной для польского языка приставки;

в) ассимиляция (освоение) – придание слову облика, родного для языка перевода на базе материала, уже имеющегося в исходном языке. Например, в белорусский язык в период польского правления были заимствованы обращения *пан*, *пани*. Отсутствие заимствованных обращений к младшим членам семей польской знати было компенсировано образованием слов *панночка* и *паніч* (которые в настоящее время приняли относительно шутовскую форму и стали употребляться в более широком контексте);

г) замена. Некоторые исследователи (Влахов, Флорин) выделяют прием замены реалии, приведенной в исходном тексте, на реалию языка перевода¹⁶. Тем не менее, следует отметить, что такая замена ведет к своего рода подстановке колорита и резкому выделению реалии на фоне всего текста. Примером такой замены может служить передача англ. «*иомен*» русским понятием «*крепостной*».

Решение вопроса о применении того или иного приема при переводе реалии напрямую зависит от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для смысла или передать смысл реалии (если он не известен), потеряв при этом колорит.

1.5.4. Реалии различаются ареалом распространения. Одни являются общеупотребительными и известны всем носителям данного языка. Другие же выявляют ограниченное распространение – бытуют только в отдельных языковых социумах или на ограниченной территории. Исходя из масштаба распространения, выделяется две категории названий реалий: 1) инклюзивные или стандартные и эксклюзивные или нестандартные номинации.

¹⁶ Там же, с. 101.

Понятие стандартности-нестандартности не является тождественным представлению о нормативности-ненормативности. Стандарт – принимается, норма складывается. Концепт нормативности-ненормативности релевантен при изучении литературного языка и его ненормативных вариантов. Категория стандартности применима к национальному языку как совокупности субъязыков, обладающих разной локализацией. Языковые единицы, рассматриваемые с точки зрения их стандартности-нестандартности, обладают номинативным статусом – являются референтными информативными единицами языка. Будучи кореферентными, они составляют референтное тождество, являясь разными номинативными версиями выражения одной и той же реалии (напр.: *предки* (нестанд. жаргонное) – *родители* (станд. общеупотребительное), *кочет* (нестанд. диал.) – *петух* (станд. общеупотребительное), *гепатит* (нестанд. терминологическое) – *желтуха* (станд. общеупотребительное) и т.п.

Стандартные названия реалии не воспринимаются в качестве необычных для носителей тех языков, в которых они тотально распространены. Как обычные, закрепившиеся традицией употребления воспринимаются, например, в том или ином языке имена собственные, названия блюд национальной кухни, географические названия и т.п. Экзотика стандартных названий реалий выявляется только при восприятии их носителями иных языков. Следует отметить, что граница распространения названий реалий является подвижной и те названия, которые воспринимались раньше как с коннотацией экзотичности, со временем могут терять свою экзотику и попадать в ранг интернационального стандарта груз. *шашилык*, пол. *bigos* и т.п.).

Применительно к русскому и польскому языкам нами выделены следующие категории стандартных для носителей данных языков названий реалий, потенциально способных быть составляющими разных текстов и потому требующих переводческой компетенции:

1) географические названия: пол. *Zabrze, Zduńska Wola, Połczyn Zdrój, Lesznowola, Zagórze, Księżpol, Brudzień Duży, Nakło nad Notecią*. Особенностью некоторых польских сложных дериватов является то, что первая их часть не потеряла парадигматических свойств, в то время как в русском языке она не склоняется, ср.: пол. *Białystok – Białegostoku – Białemustokowi*; но: рус. *Белосток, Белостоку, Белостоком*;

2) идиоматические выражения: рус. *Не все коту масленица, Семь смертям не бывать, а одной не миновать* – пол. *raz kozie śmierć* и под.;

3) реалии, связанные с административно-хозяйственным делением: *район, область, округ, губерния*; ср. пол. *gmina, województwo*;

4) наименования носителей и органов власти: *мэр, губернатор, председатель облисполкома*; ср. пол. *wójt, wojewoda*;

5) названия разного рода институций, социальных объектов: *гороно, загс, ЖЭК, ОБИР, Дом быта, Дом культуры*; пол. *Powszechna Kasa Oszczędności, Najwyższa Izba Kontroli, Hotel Asystenta* и т.п.;

6) этнографические реалии, принадлежащие материальной и духовной культуре народа: *сарафан, борщ, щи, пельмени, гармошка, балалайка, тальянка*; пол. *skorek, oscypek, cebrzyk, zmianka* (местное в значении: воскресная встреча верующих женщин в доме одной из них с целью молиться; зафиксировано в д. Игане Старе);

7) мифологические персонажи, герои фильмов: *Дед Мороз, Баба Яга, Кощей Бессмертный, Леший, Кикимора; Винни-Пух*, пол. *Kubuś Puchatek, Kostucha, Pan Samochodzik, Jaś Fasola* и т.п.;

8) герои попкультуры: *слесарь дядя Вася*; пол. *Franek Kimono, Doda*;

9) этнические названия: рус. *поleshук, пинчанин, брестчанин*; пол. *igania, siedlczanin, poznaniak, Ślązak*;

10) денежные единицы: «зайчики», *рубль, гривна* и т.п., пол. *zielone, banka, stowa*.

11) военные и звания: рус. *сержант, прапорщик*; пол. *kapral, plutonu, chorąży* и т.п.

1.6. Процесс понимания и интерпретации текста, предназначенного для иноязычного реципиента, касается качества – фундаментальной категории, связанной с восприятием и интерпретацией текста. Категория качества перевода является доминирующей категорией теории перевода, объединяющей и покрывающей остальные категории (типа эквивалентность, адекватность, ясность, полноценность и т.п.), составляющих качество восприятия и перевода текста.

Качественный аспект понимание текста и его перевода-транслята описывается через экстенциональную величину – *уровень*. Уровень качества понимания текста и последующей его трансляции во многом предрешен исходным информационным запасом реципиента (в том числе и переводчика), т.е. сведениями, которыми владеет получатель до того, как он ознакомился с ещё неизвестным ему текстом. Запас исходной информации, касающейся референции переводимого текста, составляет базовую компетенцию переводчика и выступает необходимой предпосылкой понимания и перевода текста.

Всякий текст ориентирован прежде всего на внеязыковую реальность. В связи с экстралингвистической ориентацией текста перевода базовая компетенция переводчика сводится прежде всего к знакомству с той реальностью, которая описывается или манифестируется в переводимом тексте. Л.С. Бархударов формулирует следующее жесткое требование к исходному пониманию как предпосылке качества переводческой деятель-

ности: «... необходимо осмысление находящейся за текстом реальной ситуации, которая реферируется в переводимом тексте. Без подобного осмысления не может быть адекватно понята человеческая речь, тем более без него немислим никакой перевод, будь то перевод специальный или общий»¹⁷. Из отмеченного, разумеется, не следует, что переводчик должен быть экспертом в той или иной области, которая иногда является весьма узкоспециальной. Однако в области профессионального перевода сколь-нибудь качественный перевод не осуществим при тотальном непонимании оригинала переводчиком.

Таким образом, перевод текста должен рассматриваться как процесс межкультурной трансляции, главными составляющими которого являются категории – информация, смысл, понимание, эквивалентность. Герменевтический аспект переводческой деятельности в наибольшей мере актуализируется в ситуациях, когда в текст включаются названия реалий. Компетенция переводчика заключается в мастерском владении приёмами трансляции экзотической лексики в контекст иной культуры.

Hermeneutics and intercultural Communication (Polish and Eastern Slavic Analogies)

Translation of a text rich in culture-oriented values requires working out basic principles of translation. Such theoretical deliberations should be based upon the hermeneutic categories that are dealt with in the process of translation which is inseparable from the culture of a particular ethnos.

In the following paper, translation, a term related to the metalinguistic interpretation of a text as opposed to interpersonal communication (understood as exchanging information using language as a means of communication) acts as the leading hermeneutic category.

Text translation is perceived in the context of an intercultural translation process which is hampered by numerous cultural and linguistic limitations.

As a pragmatic category, text makes the interpreter follow a set of requirements, which, if not implemented, decrease the quality of the translation, whereas if implemented – are a sign of professionalism.

Hermeneutic aspects of translation are described from the perspective of such categories as information, meaning, interpretation, equivalence, related to the text itself as well as the process of its translation.

The hermeneutic aspects of translation are exceptionally important when the text refers to a specific linguistic background, i.e. contains names concerning the cultural reality of an ethnos, which have neither obvious nor constant equivalents in any different culture and language.

The competence of the interpreter is vastly influenced by his skills of interpretation and his ability to present the phenomena of material and spiritual culture from one linguistic reality to another.

¹⁷ Л.С. Бархударов, *Что нужно знать переводчику?* в: Тетради переводчика, Вып. 15, Москва 1978, с. 18.